

УДК: 335.257.72(571.1) «1946/1949»

Особенности репатриации японских военнопленных из Западной Сибири (1946—1949)

Наталья Михайловна Маркдорф,
кандидат исторических наук, доцент кафедры управ-
ления социальной сферой Кемеровского государст-
венного университета культуры и искусств, Кемерово.
E-mail: nmmark@mail.ru

В статье рассмотрены причины, процесс, итоги и значение репатриации японских военнопленных в 1946—1948 гг. Автор приходит к выводу, что репатриация японских военнопленных являлась одной из масштабных политических акций Сибири, завершилась в целом успешно и способствовала улучшению качества трудового фонда в западносибирских лагерях, сокращению расходов на восстановление его трудоспособности и лечение; содействовала сохранению определённой устойчивости лагерной экономики, что позволило повысить уровень рентабельности производственных лагерей. **Ключевые слова:** репатриация, японские военнопленные, Западная Сибирь, трудовой фонд, лагерь для военнопленных, Вторая мировая война.

Peculiarities of the repatriation of Japanese prisoners of war from Western Siberia (1946—1949).

Nataliya M. Markdorf. The Department of mmanagement of social issues in the Kemerovo state university of culture and the arts.

In this paper the reasons, process, results and significance of Japanese prisoners of war repatriation in 1946—1948 are considered. The author concludes that the repatriation of Japanese prisoners was one of the massive actions in Siberia as a whole was successful and helped to improve the quality of West Siberian labor fund at camps, reducing the cost of restoration of ability to work and management, contributed to preserve a certain stability of the camps' economic, thus improving profitability of production camps.

Key words: repatriation, Japanese prisoners of war, Western Siberia, the labor fund, a camp for prisoners of war, World War II.

Вопросам репатриации японских военнопленных в трудах сибирских и дальневосточных историков уделяется пристальное внимание. С 1990-х гг. проблемы японских военнопленных (в том числе внутривнутриполитические, международные аспекты репатриации, её цели и методы) изучали С.И. Кузнецов [1], который обобщил в диссертации обширный

пласт материалов сибирских архивов; О.Д. Базаров [2], Е.Ю. Бондаренко [3], С.В. Карасёв [4], Е.Л. Катасонова [5], М.Н. Спиридонов [6]. Историки не просто глубоко исследовали историю восточносибирских, забайкальских и дальневосточных лагерей, но и ввели в научный оборот многочисленные архивные источники, создав тем самым научное направление в региональной истории военного плена. Интересны рассмотренные С.И. Кузнецовым процесс и проблемы социальной адаптации японских военнопленных и их борьба за свои права на родине [7]. Сравнивая отношение к репатриантам из СССР в Японии и ГДР, можно проследить общие черты, выразившиеся как в недоверии, определённой дискриминации в правах, так и проблемах обустройства репатриантов в мирной жизни [8].

Процесс репатриации японских военнопленных из лагерей Западной Сибири напрямую зависел от складывавшейся политической и социально-экономической ситуации в стране. Фильтрация пленных проводилась по следующим критериям. Во-первых, на региональном уровне (но в рамках общесоюзной разрядки) было определено необходимое количество вывозимых лиц. Во-вторых, среди трудоспособного контингента выделили хронически больных (прежде всего страдающих дистрофией различных степеней), инвалидов, подлежащих первоочередной отправке на родину. В-третьих, установили возрастные ограничения репатрируемых военнопленных (как правило, от 60 до 65 лет), от которых своевременно стремились освободиться лагеря. В-четвёртых, оперативно-чекистскими отделами были выявлены лица, совершившие воинские преступления.

В 1946 г. репатриация проводилась непосредственно органами МВД СССР. В 1947 г. подлежащие репатриации пленные передавались МВД СССР в ведение Управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации. В соответствии с приказом МВД СССР для фиксации нетрудоспособного контингента повсеместно действовали отборочные комиссии под руководством ответственных работников УМВД краёв и областей с привлечением врачей, сотрудников политаппаратов, оперативных и отчётных отделов управлений лагерей. Для членов комиссий был проведён тщательный инструктаж с подробным изучением положений и приказов МВД СССР, и к 20 июля 1946 г. в тыловые лагеря направили конкретные указания по их выполнению.

Отбор и подготовка к отправке кандидатов на освобождение проводились в условиях строжайшей секретности под предлогом сосредоточения нетрудоспособного контингента в специальных оздоровительных лагерных отделениях и сокрытия происходившего от остальных пленных. О цели перемещения репатрируемым объявлялось в пути следования эшелона при приближении к государственной границе [ГАРФ. Ф. Р.—9401. Оп. 1с. Д. 205. Т. 14. Л. 327—333]. Японским военнопленным документы и валюта в ограниченных суммах (1000 йен — гражданским лицам, 500 йен — офицерам, 200 йен — рядовым) возвращались в порту непосредственно в момент посадки на пароход. Перед отправкой за рубеж в Приморье физическое состояние контингента в эшелонах подлежало дополнительной проверке [РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 113—117].

Массовая репатриация поступивших в декабре 1945 г. нетрудоспособных пленных Квантунской армии из Кемеровской, Новосибирской областей и Алтайского края началась в июне 1946 г. Отправке военнопленных японцев предшествовала длительная переписка ГУПВИ с УМВД по краю и областям. В апреле — мае 1946 г. в УМВД были представлены точные рекомендации, как и каким образом транспортировать военнопленных в порты Посъет и Находка для передачи представителям командования Приморского военного округа, затем в Сейсин (Северная Корея). В соответствии с приказами МВД СССР за № 00339 от 20.04.1946 г. и № 00385 от 04.05.1946 г. начальникам западносибирских УМВД, а также специальным комиссиям в их составе предлагалось определить для репатриации преимущественно лазаретных, хронически больных (туберкулёзом, дистрофией, хирургических, страдающих психическими расстройствами и др.), инвалидов, длительно нетрудоспособных. Каждому региону был дан ориентировочный лимит, после утверждения которого в ГУПВИ МВД СССР и производился отбор [ГАРФ. Ф. Р. — 9401. Оп. 1. Д. 735. Л. 15—18].

Первоначально план ориентировал на вывоз в Северную Корею с территории Западной Сибири 2600 больных японцев. Однако в лагерях Алтайского края, где на 10.04.1946 г. было сосредоточено 13 145 военнопленных Квантунской армии, 6486 чел. (49,4% от их общего числа) являлись больными, инвалидами, относились к III—V группам трудоспособности, состояли в оздоровительных командах (ОК). В Кемеровской области больных и длительно нетрудоспособных японцев насчитывалось 2303 чел. — 31,8% [подсчитано по: РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 13. Л. 1—2]. Положение в Кемеровской области и Алтайском крае осложнила эпидемия сыпного тифа (ноябрь 1945 — май 1946 г.), которая привела к резкому увеличению показателей заболеваемости и смертности, прежде всего японцев, наименее адаптированных к сибирским условиям. На основании распоряжений начальников УМВД по Кемеровской области и Алтайскому краю на лагерное отделение № 5/525, лагеря № 36 и № 511 был наложен карантин. Уже в ходе начавшейся репатриации в лагере № 36 появились больные брюшным тифом. Причём последние случаи заболевания тифом обнаружили уже после снятия карантина, то есть 17 мая, когда контингент для репатриации был сформирован и подготовлен к отправке [РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 125. Л. 45].

Неблагополучным по медико-санитарным показателям являлся и лагерь № 199 в Новосибирске. Однако в отличие от других западносибирских областей здесь дислоцировался спецгоспиталь № 2494, в который направлялись на лечение военнопленные. В целях улучшения качества трудового фонда в западносибирском регионе ситуацию могла исправить массовая репатриация нетрудоспособного контингента и завоз новых партий «трудовых ресурсов».

Установленная в 1946 г. МВД СССР «разрядка» рекомендовала к вывозу из лагерей, спецгоспиталей Алтайского края только 2000 чел., или 30,8% от общего числа военнопленных Квантунской армии. Но только в лагере МВД СССР № 511 Рубцовска летом 1946 г. экстренно необходимо было вывезти 2375 чел., из лагеря № 128 Барнаула — 1803, из лагеря № 36 Чесноковска — 1028 чел. [РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 9. Л. 206; Оп. 4з.

Д. 23. Л. 192; Оп. 11з. Д. 13. Л. 36—37]. В соответствии с планом ГУПВИ, МВД СССР из Кемеровской области срочно предстояло репатриировать до 600 пленных — 12,6% от нетрудового фонда [РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 33, 36, 40, 42]. Поэтому председатели отборочных комиссий на местах неоднократно обращались в ГУПВИ с предложениями увеличить квоты на отправку людей.

В целях более полного освобождения лагерей от нетрудоспособного контингента, на восстановление здоровья и трудоспособности которого требовались длительное время и значительные материальные ресурсы, заместитель начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-майор Ратушный в приказе от 21.05.1946 г. за № 8/4 предложил все поступающие заявки на репатриацию военнопленных бывшей Японской армии удовлетворять полностью, но в зависимости от имеющихся в регионе средств [РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 17. Л. 28]. Однако численность всё увеличивавшегося нетрудового фонда, от которого необходимо было «освободиться» лагерям и ОРБ, значительно превышала количество мест в формирующихся для репатриации эшелонах. В первую очередь выбор пал на тяжёлых, лазаретных, но в то же время способных перенести дорогу больных. Их размещали в вагонах в зависимости от физического состояния и диагноза. Действовало категорическое правило: «Границу не должен пересечь ни один покойник».

Судя по актам обследования эшелонов в пути, среди репатрируемых японцев наиболее высокий удельный вес заболеваний приходился на алиментарную дистрофию (64,5%) и туберкулёз (7%); 5,2% являлись инвалидами; 12,7% составляли сердечнососудистые, ЦНС, хирургические, венерические (сифилис) больные; страдающие обморожениями, психозами, бери-бери, эпилепсией, кожными заболеваниями. Об организации достаточно качественного медико-санитарного обслуживания военнопленных в пути свидетельствовал факт, что смертность в дороге была минимальной и равнялась 0,04%. Так, на ходу из вагона выбросился больной шизофренией (эшелон № 98462). В этом же эшелоне умер от туберкулёза военнопленный японец. Всего за июнь 1946 г. 1,2% репатриантов заболели в пути, из них 0,4% были сданы в спецгоспиталь № 3915 на станции Тулун [РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 13. Л. 54, 65, 119—121]. Уже в Посьете в спецгоспиталях погибли 5 (0,1%) военнопленных японцев, в основном страдающих алиментарной дистрофией III степени [РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 13. Л. 86].

В 1946 г. репатриация японских военнопленных проводилась форсированными темпами и завершилась в рекордно короткие сроки, с учётом навигации в Приморье. Это была крупномасштабная акция по всей Сибири, которая в целом закончилась успешно. Только за июнь 1946 г. из лагерей Алтайского края, Кемеровской и Новосибирской областей в порты Посьет и Находку вывезли 4164 чел. (48,4% от репатриированных за год, или 6,19% от общего числа репатриированных из Западной Сибири). Однако ликвидированный в ходе репатриации нетрудовой фонд за июнь 1946 г. из лагерей Алтайского края равнялся 25,2%; Кемеровской области — 10,4%; Новосибирской области — 2,4%, что не соответствовало реальным потребностям в репатриации военнопленных из западносибирского региона [РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 13. Л. 149]. Было сформировано семь

эшелонов (от 26 до 45 двухосных и четырёхосных вагонов в каждом, из расчёта 22—24 больных на вагон). Во всех эшелонах имелся вагон-изолятор до 30 мест, вагон-кухня (до 4 котлов), вагоны под продукты, топливо и личный состав. Стоимость отправки японских военнопленных в Посыет за июнь 1946 г. составила 2 659 305,58 руб., или 7% от суммы общих затрат на репатриацию в Западной Сибири. При этом расходы на одного военнопленного по Алтайскому краю были выше на 12,44% (87,5 руб.) от рекомендованных Министерством финансов цен по СССР и равнялись 703,3 руб. Однако за счёт меньших затрат по Кемеровской и Новосибирской областям средние показатели расходов на одного репатрируемого военнопленного японской армии составили — 633,92 руб. и незначительно превысили запланированный в западносибирском регионе лимит средств на 2,9% [подсчитано по: РГВА. Ф. 1п. Оп. 4з. Д. 13. Л. 4—78].

Был проведён целый комплекс предварительных медико-противоэпидемических мероприятий (санитарная обработка, снабжение эшелонов фагом). Вместе с пленными японцами направлялись их истории болезни, обеспечивалось сопровождение медицинским персоналом, в составе которого находились вольнонаёмные или военнопленные врачи. Эшелоны снабжались всем необходимым и в соответствии с инструкцией о перевозках оборудовались одноярусными нарами, имели нужный запас топлива и продовольствия (по госпитальной норме № 1) на 35—37 суток (с учётом обратного пути). Перед отправкой все военнопленные были привиты против оспы, желудочно-кишечных заболеваний. В дороге они обеспечивались горячим двух-, а некоторые трёхразовым питанием.

В Красноярске эшелоны подвергались ревизии членом Комиссии МВД СССР Э.М. Рахимовым с составлением подробных актов обследования, сведениями о количестве больных, их диагнозах, соблюдении санитарных норм, комплектовании продовольствием и медикаментами. Донесения по выявленным недостаткам передавались в Москву. Все случаи отклонения от норм репатриации безотлагательно рассматривались и обсуждались в ГУПВИ, УМВД по краям и областям. Единственным задержанным в середине июня в Красноярске был эшелон № 98559, следовавший со станции Тайга Кемеровской области, в котором большинство контингента страдало педикулёзом [РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 13. Л. 62, 81].

Судя по донесениям в ГУПВИ начальников УМВД края и областей, в начале июля 1946 г. в лагерях Алтайского края оставались только 282 тяжелобольных военнопленных Квантунской армии, из которых 50 чел. нуждались в срочной госпитализации [РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 13. Л. 78]. Однако медицинские комиссии УМВД констатировали безрадостную картину. Например, в лагерях Алтайского края количество тяжелобольных дистрофией, туберкулёзом и прочими заболеваниями на их фоне не уменьшилось, а продолжало расти и составило на 20 июля 452 чел. К осени 1946 г. начался новый массовый рост заболеваемости и смертности. Соответственно увеличилось количество нетрудового фонда в лагерях, нуждавшихся в экстренной репатриации больных и нетрудоспособных. В разрез с разрядкой ГУПВИ распоряжением УМВД по Алтайскому краю за № 26870 от 30.06.1946 г. было предложено подготовить для дальнейшей репатриации

в Северную Корею в июле-августе 1946 г. всего 157 японских пленных (лагерь № 128 — 45 чел., лагерь № 511 — 112 чел.) [РГВА. Ф. 1п. Оп. 14з. Д. 3. Л. 100]. Остальных предполагалось лечить в лагерных лазаретах и специальных госпиталях других областей. Так как в Западной Сибири действовал только один спецгоспиталь № 2494, начальники УМВД по Алтайскому краю и Кемеровской области обратились с ходатайством в ГУПВИ МВД СССР о скорейшем вывозе тяжелобольных в спецгоспитали других областей. В частности, в июне — июле 1946 г. в Кировской области было выделено 300 мест в спецгоспитале № 1952 (ст. Орочи) для приёма и лечения больных пленных японцев ввиду невозможности их отправки на родину.

Летом 1946 г. с целью восполнения трудового фонда в тыловые западносибирские лагеря было ввезено 8500 здоровых военнопленных бывшей Квантунской армии, отправка которых первоначально была затруднена из-за наличия в Северной Корее «формы № 30 (холеры)». Из Владивостока 12.07.1946 г. часть из них прибыла в Новосибирск и кузбасский лагерь № 526 эшелонам № 98449. В конце 1946 г. в лагерь МВД № 503 были доставлены 6775 чел. из Северной Кореи, Китая и Хабаровского края (лагерь МВД № 4), в результате этого численность японских военнопленных в кемеровском лагере № 503 составила 8927 чел. [ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 1. Д. 3. Л. 26; П. 2. Д. 2. Л. 49—55].

В ходе репатриации японских военнопленных в Северную Корею не обошлось без достаточно серьёзного инцидента, повлёкшего за собой служебное расследование на уровне ГУПВИ МВД СССР. Двадцать третьего июля 1946 г. во Владивосток из Новосибирского лепрозория через Красноярск и Иркутск в эшелонах вместе с другими репатрируемыми военнопленными прибыли три японца, которым в лазарете был поставлен диагноз «лепра». Начальник главного санитарного управления Приморского военного округа генерал Вургафт потребовал их срочной изоляции и охраны, а также запросил у Главсанупра МВС СССР разрешение направить их в Иркутский лепрозорий, мотивируя своё решение отсутствием лепрозория в Северной Корее (единственный лепрозорий находился в Сеуле, то есть на территории американской зоны) [РГВА. Ф. 1п. Оп. 11з. Д. 13. Л. 146; Оп. 14з. Д. 3. Л. 43]. Началась телеграфная переписка Москвы и Приморья. На основании разрешения Главсануправления МВС и согласно санкции заместителя начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанта Петрова, прокажённые всё же были доставлены из Владивостока на станцию Посъет (где были размещены в спецгоспитале № 890, причём один из них вскоре умер), а затем — в Сейсин (Северная Корея) и обратно во Владивосток. Эти факты не остались без внимания ГУПВИ МВД СССР. В штаб Приморского военного округа и начальнику отдела репатриации генералу Фомину поступило требование найти виновных и предать суду военного трибунала. Так, 25 августа 1946 г. состоялся следующий телефонный разговор начальника УМВД Приморского края с дежурным по ГУПВИ майором Сухоруковым.

— Кто отправил прокажённых в Находку?

— Только не Приморье.

— Нельзя ли их перевести в госпиталь для военнопленных с последующей эвакуацией в лепрозорий?

— Нет, они находятся в лазарете. Дайте указание их направить прямо в лепрозорий.

Выясняя, кто же отправлял прокажённых в Находку, Посьет и Сейсин, ГУПВИ МВД СССР всю ответственность за происходящее возложило на руководство УМВД Приморского края. Но серьёзных выводов, как следует из дальнейшей телеграфной переписки, сделано не было. Поступивший в сентябре из Биробиджана очередной больной проказой только в декабре был препровождён в Иркутский лепрозорий. Распространение инфекции удалось предотвратить. Однако в госпитале № 890 (Посьет) всё же заболела проказой медицинская сестра [РГВА. Ф. 1п. Оп. 14з. Д. 3. Л. 128—129, 138, 139].

В августе 1946 г. в порт Находка был отправлен из лагерей Алтайского края эшелон № 98955 с военнопленными японской армии. По его прибытии выяснилось, что начальнику эшелона, его заместителям и начальнику САНУ удалось «сэкономить» часть продуктов питания, предназначенных для японцев. За время следования было продано на станциях 36 мешков риса (2300 кг) и иных продуктов на сумму 11 500 руб. Кроме того, преступная группа укрыла от сдачи в Приморье т. н. «излишки» в количестве 1100 кг риса, 50 кг мёда, 30 банок рыбных консервов. Похищенное продовольствие погрузили в вагон конвоя, чтобы продать на обратном пути [ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 7].

Новый порядок и очерёдность репатриации военнопленных японцев были введены во исполнение приказа МВД СССР за № 00916 «О репатриации из СССР японских военнопленных» от 11.10.1946 г. и «Соглашения по вопросу репатриации японских военнопленных и гражданских лиц с территории СССР, находившихся под контролем СССР, в Японию и корейских граждан — из Японии в Северную Корею» [ГАРФ. Ф. 952 сч. Оп. 1 сч. Д. 306. Л. 305—311]. Установленная квота в 25 тыс. чел. определялась главным образом за счёт лагерей, не подготовленных к зимним условиям и рациональному трудовому использованию пленных. К таковым относились все лагерные отделения в Алтайском крае и часть лаготделений лагерей № 503, № 525, № 526 в Кузбассе.

В 1947 г. отправка военнопленных производилась как отдельными группами (780 чел., лагеря № 503, № 526) [РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 354. Л. 8], так и в полном составе рабочих батальонов, включая офицеров, за исключением военнопленных, оставленных в лагерях по оперативным данным. Тем не менее часть японских пленных с компрометирующими материалами были репатриированы на родину, что вызвало недовольство рядовых японцев. Больные и длительно нетрудоспособные пленные в состав этих батальонов уже не включались. В январе 1947 г. был расформирован лагерь № 36 в Алтайском крае, а 2795 его японских пленных полностью репатриированы [РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 82. Л. 5]. Летом 1947 г. из лагерей № 503, № 526 были вывезены 1214 чел. [РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 354. Л. 25]. В свою очередь, за 1947 г. в Кемеровскую область из дальневосточных лагерей поступило 2486 чел. Таким образом, контингент японских военнопленных в Кемеровской области на 01.01.1948 г. составил 6374 чел. [подсчитано по: ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 9. Д. 2. Л. 38; П. 2. Д. 2. Л. 89; РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 354. Л. 25—26; Ф. 32п. Оп. 10. Д. 10. Л. 5, 9].

Дальнейшая репатриация бывших военнопленных Квантунской армии на родину была возобновлена только в марте 1948 г. В рамках постановлений Совета Министров СССР за № 2326—905/с от 10.06.1946 г. и за № 3273—1361/с от 30.07.1949 г. «О замене репатрируемых военнопленных японцев постоянными советскими рабочими» с марта 1948 г. возобновили отправку на родину как больных, так и трудоспособных. В отличие от предыдущих лет (с учётом новых требований Советского правительства к органам УМВД и хозяйственным организациям) проведение репатриации в 1948—1949 гг. имело свои особенности. В первую очередь подлежали закрытию нерентабельные лагерные отделения, а их контингент распределялся по наиболее значимым промышленным объектам хозорганов. По сравнению с предыдущим периодом 1946—1947 гг., благодаря высоким требованиям к хозяйственному обслуживанию в пути, репатриация японцев в 1948 г. была проведена гораздо организованнее. В этот период репатриировались физически здоровые, представляющие полноценную рабочую силу в промышленности и сельском хозяйстве лица, но так, чтобы их вывод с основного производства не отразился на нормальной работе предприятий и строек.

В вопросах трудового использования репатриация являлась положительным фактором, так как в определённой степени стимулировала производительность труда, однако повлекла за собой сокращение удельного веса трудового фонда контингента (I—II групп) и выхода пленных на работы, потерю рабочего времени и, следовательно, уменьшение доходов лагерей № 503, № 525 и № 464. Существенное влияние на производственные показатели лагеря оказала проводившаяся в октябре — декабре фильтрационная работа, поскольку две трети военнопленных и интернированных подвергались перебросу из одного отделения в другое, направлялись в тюрьмы и возвращались назад. От работ были отстранены находившиеся под следствием и арестованные [РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 53—54, 73—74]. По выявленным и уточнённым нами статистическим данным, всего за период 1948—1949 гг. из лагерей и спецгоспиталя № 1407 Кемеровской области были освобождены 6248 чел. [ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 1. Д. 7. Л. 50—97].

К концу 1949 г. в Кемеровской области оставались военнопленные с серьёзными компрометирующими материалами (по делам-формулярам оперативных отделов неоднократно совершавшие побеги, допустившие расхищение лагерного имущества, уличённые в умышленном членовредительстве, проведении антисоветской агитации и пропаганды). Вопрос об их отправке на родину после проведённой фильтрации решался в ходе ликвидации режимного лагеря № 464 в середине 1950 г. [РГВА. Ф. 32п. Оп. 10. Д. 25. Л. 22—24].

Таким образом, в период 1946—1949 гг. репатриация в основном проводилась с целью сохранения и восполнения трудового фонда лагерей, способствовала улучшению его качественного состава, снижению стоимости рабочей силы, сокращению расходов на восстановление трудоспособности и лечение пленных, что позволило повысить уровень рентабельности производственных лагерей. Тяжёлое социально-экономическое положение в Западной Сибири в послевоенное время обострило проблему эффективности трудового использования военнопленных. В 1946—1947 гг.

нетрудовой фонд японских военнопленных (не задействованные на контр-агентских работах) в западносибирских лагерях составлял от 30% до 65%. Несмотря на все предпринимаемые УМВД края и областей, а также администрацией промышленных предприятий усилия, количество нетрудоспособного контингента постоянно увеличивалось. В ряде производственных лагерей на одного работающего приходилось два-три неработающих военнопленных. Сокращение трудового фонда I—II групп трудоспособности происходило ещё и потому, что постоянные «вливания» ослабленных пленных скорее добавляли «головную боль» администрации управлений лагерей, так как восстановление их трудоспособности и лечение требовали вклада существенных материальных средств. Увеличение численности иностранной рабочей силы отнюдь не способствовало улучшению качества трудового фонда и повлекло за собой неизбежные проблемы в распределении и организации труда контингента в 1946 — первой половине 1948 г., поскольку поставило под угрозу срыва выполнение государственных планов на стратегически важных объектах народного хозяйства.

Тем не менее после репатриации нетрудоспособных военнопленных удалось сократить количество больных и ослабленных, что являлось важным фактором сохранения и восполнения трудовых ресурсов, улучшения рентабельности и эффективности производства в послевоенное время. Репатриация японских военнопленных проводилась форсированными темпами, это была крупномасштабная акция по всей Сибири, что свидетельствовало об эффективной деятельности региональных УМВД и управлений лагерей в рамках общегосударственной стратегии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Кузнецов С.И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945—1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1994. 346 с.
2. Базаров О.Д. Японские военнопленные в Бурятии (1945—1948 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1997. 18 с.
3. Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914—1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Владивосток, 2004. 47 с.
4. Карасёв С.В. Японские военнопленные на территории Читинской области (1945—1949 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 30 с.; Его же. История плена: советско-японская война и её последствия (1945—1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2007. 38 с.
5. Катасонова Е.Л. Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (Российской Федерации) и Японии (1945—2003 гг.): ист. аспект: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 507 с.
6. Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945—1948 гг.). Проблемы размещения, содержания и трудового использования: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001. 306 с.
7. Кузнецов С.И. Проблемы военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны: учеб. пособие. Иркутск, 1994. 190 с.
8. Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945—1956 гг.). Иркутск, 1997. С. 209—219.
9. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
10. РГВА (Российский гос. военный арх.).
11. ИЦ ГУВД КО.
12. ИЦ ГУВД КО.